

// Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. В 5-ти томах. – Алма-Ата: Изд-во Академии наук КазССР, 1961. – Т. 1. – С. 464–466.

Қазак тілінің түсіндірме сөздігі / Жалпы редакциясын басқарған Т. Жанұзақов. – Алматы: Дайк-Пресс, 2008.

Левшин А.И. Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей (под. общ. ред. М.К. Козыбаева). – Алматы: Санат, 1996. – 656 с.

Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // САИ. Вып Е4-2. – М.: Наука, 1974. – 192 с.

Прошлое Казахстана в источниках и материалах / Под ред. проф. С.Д. Асфендиярова и проф. П.А. Кунте. 2-е изд. – Сб.

1 (V в. до н.э. –XVII в.н.э.). – Алматы: Казакстан, 1997. – 383 с.

Словарь тюркизмов в русском языке / Сост. Е.Н. Шипова. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1976.

Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – 303 с.

Тасмағамбетов И. Құлпытас. – Астана: ОФ «Берель», 2002. – 392 с.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 266 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.

Бесетаев Б.Б.

КОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ КАК АТРИБУТ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ

Как известно, в раннем железном веке в степной полосе Евразийской степи сложился особый мир – мир всадников с богатейшей материальной и духовной культурой. Среди многочисленных источников, подтверждающих это и являющихся основным компонентом «скифской триады», комплекс конского снаряжения – один из наиболее значимых элементов традиционной формации древних кочевников. Конский убор в целом не только обеспечивает возможность верховой езды, но также становится атрибутом социальной стратификации и, что особенно важно, включает в себе специфические черты художественно-образной системы этнической культуры.

Надо отметить, что вопросы, связанные с данной темой, изучались различными исследователями главным образом в рамках традиционного для советской науки теоретического подхода – в социальном аспекте (Боковенко, 1986, с. 2–9). До настоящего времени нерешенными остаются вопросы о том, какие именно социальные структуры существовали у кочевников и каким образом они функционировали в раннесакское и пазырыкское время.

Как показал опыт исследователей погребального обряда, конкретные критерии в определении социального статуса (по-

гребенного?) универсальны не для отдельных областей кочевого мира, а именно для регионов, где надмогильные сооружения отличаются небольшими размерами (Акишев, 1978, с. 71; Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 206–207). В подобных ситуациях нередко основными факторами, определяющими социальный статус умершего, являются ценность и количество инвентаря. В данном случае нужно учитывать географические условия (ландшафт и климат), неоднородность назначения лошадей сакско-скифского времени (верховые кони, упряжные кони, «царские» кони), своеобразное динамическое развитие общественной дифференциации, специфику археологических источников.

Главная цель нашей статьи установление социальной стратификации ранних кочевников Казахского Алтая на основе характеристики конского снаряжения. Возможность определения конкретного статуса погребенного только по материалам конского снаряжения является трудной задачей. Однако вопрос о делении пазырыкского общества на страты в литературе поднимался неоднократно (Грач, 1975, с. 161–166; Суразаков, 1983, с. 72–86; Марсадолов, 2000, с. 31–32; Крадин, 2002, с. 241; Васютин, 2005, с. 169).

Основными источниками являются материалы раскопок могильника Берел, характеризующие один из этапов динамического развития конского снаряжения. Элементы ритуального снаряжения верховых коней из могильника представляют собой набор ремней: оголовья (включающих узду), нагрудных, подхвостных, седельных (подпружных) и непосредственно седло. В качестве источника возьмем один из элитных курганов.

Погребение человека в кургане № 10 было совершено на глубине 3,35 м, в двухвенцовом срубе, за северо-западной продольной стенкой которого находилось захоронение из 10 коней. Сруб и захоронение коней сверху сплошь перекрыты берестяными полотнищами, уложенными в несколько слоев. Первый ряд состоял из четырех лошадей, второй и третий – из трех (Самашев, 2011, с. 193) (рис. 1).

Сохранившийся сопроводительный вещевой комплекс включал элементы костюма и конского убранства, один предмет вооружения, посуду, изготовленную из дерева и глины.

Среди элементов конского снаряжения выделяются следующие деревянные предметы, изготовленные с высоким художественным мастерством: подвесные бляхи, имитирующие кабаньи клыки; подвесная бляха в виде птицы с опущенными вниз крыльями; налобная круглая бляха с округлой выпуклостью; подвесная бляха в виде планки; начельник; подвесная бляха в виде фигурок рыб; подвесная бляха в виде изображений голов травоядных; бляха в виде изображения орлиного грифона; бляха-накладка – конструктивный элемент седла; бляха-нашивка в виде круглой «пуговицы» со щитком, декорированным стилизованным растительным орнаментом; подвесная бляха, декорированная рядом «жемчужин»; подвесная бляха – композиция из стилизованных зооморфных элементов; псалий S-овидный с зооморфно декорированными окончаниями – изображения протом орлиноголовых грифонов; подвесная бляха, выполненная в зеркальной симметрии, с изображением голов двух горных козлов (Самашев, Джумабекова, Базарбаева, 2010, с. 251–286) (рис. 2). Как мы видим, все элементы снаряжения (кроме удил) выполнены из деревянного материала. Почти во всех ис-

следованных объектах конское снаряжение схоже, кроме предметов из кургана № 36 (они изготовлены из рога). Также следует отметить, что один комплект убранства коня в среднем состоит из двадцати предметов. Если на изготовление одной пары псалиев необходимо было затратить примерно 8 часов чистого времени, то на создание небольшого набора уходило около 60 часов (Самашев, Мыльников, 2004, с. 215).

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что конское снаряжение и соответственно сам конь в погребальном сооружении, скорее всего, находились не как сопроводительные предметы, а выполняли функцию культового характера. Неслучайно создается впечатление о специальном изготовлении снаряжения в качестве погребального инвентаря – парадного убранства. По всей видимости, это связано с редким применением лошади для верховой езды. Поэтому в данном регионе «хрупкая» конструкция конского снаряжения существовала продолжительное время. Однако имеются различные мнения касательно использования материала из дерева (Марсадолов, 1998, с. 12). Не исключая такие моменты, как преемственность и трансформация определенных элементов конского снаряжения, стоит отметить, что предметы убранства с деревянной основой встречаются и в более ранних памятниках (Смирнов, 2005, с. 89–90).

Вернемся к основному вопросу. Принимая во внимание вышеизложенную версию, можно предположить, что социальный статус погребенного был достаточно высоким. Так как «парадные» предметы конского снаряжения изготавливались специально для погребального ритуала, то здесь определенную роль играет мировоззренческий аспект. Если считать могильник Берел местом погребения кочевой элиты, тогда различия в параметре курганов, в составе инвентаря и другие объясняются дифференциацией внутри самой кочевой аристократии (Самашев, 2011, с. 39, 192). Возможно, каждое погребение, каждая цепочка на могильном поле имели свои определенные функции в социальной топографии (производственные, судебные-правовые, сакрально-культовые, военно-управленческие или иные практики).

Рис. 1. Могильник Берел. Курган № 10. Внутримогильная конструкция погребального сооружения (по З. Самашеву)

Учитывая необходимость регулирования кочевого образа жизни при совместном землепользовании в рамках всего Горного Алтая в целом, говорить о существовании централизованной государственности и центрах военной мощи еще рано. К сожалению, поиски и раскопки поселенческих комплексов в регионе еще не проводились.

Одним из важнейших защитных предметов конского снаряжения выступает седло. По конструктивным особенностям берелские образцы, безусловно, относятся к седлам классического пазырыкского типа; можно выделить локальность «пазырыкских» седел (Степанова, 2006, с. 103–150).

К примеру, седельное покрытие одного из коней украшено изображениями восьми шествующих сфинксов, расположенных друг за другом, по четыре с каждой стороны. Персонажи изображены с телами кошачьих хищников. Задняя половина туловища красного цвета, передняя – синего (Самашев, 2011). Видимо, в данном случае мировоззренческий аспект выступает главным по информативности – это противоборство двух миров с полиморфными качествами; социальный статус погребенного остается второстепенным источником информации.

Трактованные подобным образом

признаки с элементами антропоморфизма прослеживаются на нескольких предметах из кургана № 11 могильника Берел, кроме того, имеются они и в Жетысу.

Новые элементы наблюдаются в орнаментальных мотивах, типологически вырастающих из звериного стиля. Атрибуты пазырыкского (берелского) конского снаряжения выражают комплекс представлений языком изобразительного искусства, совмещающая и обобщая черты реальных и вымышленных существ. Подобные моделированные элементы конского снаряжения свидетельствовали о принадлежности погребенного к определенному социальному слою, подчеркивали его высокий ранг. Однако не следует исключать другие причины культового характера.

Определение конского снаряжения как социального показателя хорошо увязывается с казахской этнографией. Экипировка коня была важнейшим показателем социального статуса всадника и свидетельством его жизненного успеха. Она же указывала на его родоплеменную принадлежность, ибо каждая этническая группа казахов имела свои отличительные черты в декоре конской упряжи. В этнонимике казахских родов часто встречаются названия,

ведущие свое происхождение от предметов конского снаряжения (например: каракас – «имеющие седла с луками черного цвета», куйыскансыз – «без подхвостного ремня», бөгежейлі – «украшающие оголовье узды крупными бляхами» и т.д.). Вероятно, основываясь именно на этих наблюдениях из жизни степняков, известный исследователь казахской культуры конца XIX в. В.В. Радлов справедливо отмечал, что «лошадь – единственное животное, достойное того, чтобы определить по ней цену человека» (Радлов, 1989, с. 281). К сказанному хотелось бы добавить, что цена эта определялась не в последнюю очередь и снаряжением коня («по достоинству коня и его убранство»).

***

Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. – М., 1978. – 132 с.

Боковенко Н.А. Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1986. – 24 с.

Васютин С.А. Традиционные социальные системы кочевников // Западная и Южная Сибирь в древности: Сб. науч. трудов, посв. 60-летию со дня рождения Ю.Ф. Кирюшина. – Барнаул, 2005. – С. 166–169.

Грач А.Д. Принципы и методика историко-археологической реконструкции форм социального строя (по курганным материалам скифского времени Казахстана, Сибири и Центральной Азии) // Социальная история народов Азии. – М., 1975. – С. 158–182.

Крадин Н.Н. Империя Хунну. – М., 2002. – 312 с.

Марсадолов Л.С. Основные тенденции в изменении форм удил, псалиев и пряжек коня на Алтае в VIII–V вв. до н.э. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул, 1998. – С. 5–24.

Марсадолов Л.С. Археологические памятники IX–III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): Автореф. дис. ... д-ра культурологии. – СПб., 2000. – 56 с.

Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. – М., 1989. – 749 с.

Самашев З., Мыльников В. Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая. – Алматы, 2004. – 240 с.

Самашев З. Берел. – Алматы, 2011. – 236 с.

Смирнов Н.Ю. К вопросу о составных псалиях эпохи поздней бронзы – начала РЖВ на востоке Евразийских степей // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул, 2005. – С. 88–92.

Степанова Е.В. Эволюция конского снаряжения и относительная хронология памятников пазырыкской культуры // Археологические вести. – СПб., 2006. – Вып. 13. – С. 103–150.

Суразаков А.С. О социальной стратификации пазырыкцев // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1983. – С. 72–87.

Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. – Киев, 1988. – 264 с.

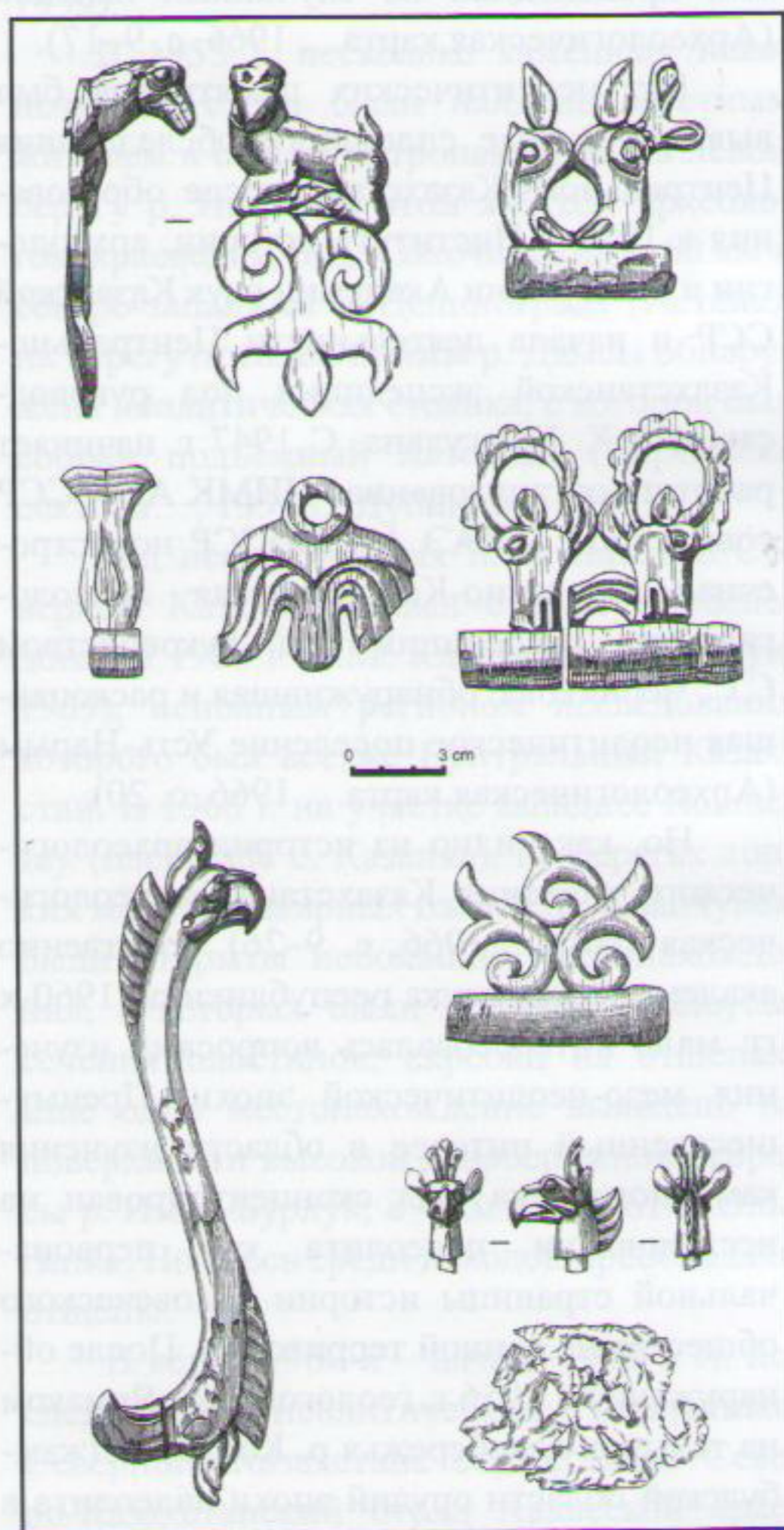

Рис. 2. Могильник Берел. Курган № 10. Элементы конского снаряжения, декорированные образами разных существ (по З. Самашеву)